

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XV.
(1911 - 1912).

St.-Petersbourg, 1912.

Тубал-кайнскій вкладъ въ сванскомъ.

Н. Я. Марръ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 28 ноября 1912 г.).

I.

ṭash мужъ; ṭiṣṭi нога; — gyanṭw бузина.

Вкладъ тубал-кайнскихъ народовъ въ сванскую рѣчь богатъ и разнообразенъ; онъ захватываетъ не только лексическіе матеріалы, но и морфологию сванскаго языка. Дѣло идетъ, очевидно, не о простыхъ заимствованіяхъ, а объ усвоеніи народомъ, который принято называть сванами, тубал-кайнизмовъ, т. е. особенностей иверскаго и чанскаго языковъ, при чемъ это усвоеніе есть результатъ смѣшенія или слиянія предковъ коренного слоя сванскаго народа съ племенами двухъ тубал-кайнскихъ народовъ, тибареновъ (тубал'овъ) и кайп'овъ, т. е. иверовъ и чановъ.

Въ лексикѣ тубал-кайнизмы въ большинствѣ случаевъ легко выдѣляются изъ сванскаго, благодаря разработкѣ сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ, напр., сванскія слова съ *ṭ*, когда этому *ṭ* въ картскомъ эквивалентѣ соответствуетъ *t*, являются чистѣйшими заимствованиями изъ тубал-кайнской группы, такъ какъ въ коренныхъ сванскихъ словахъ картскому *t* соответствуетъ не *ṭ*, а для его закономѣрный перебой *k* или ослабленіе сего *k*, т. е. спирантъ *h* (диалектически исчезающій или перерождающійся въ *y*). Конечно, и въ такихъ легко прослѣживаемыхъ случаяхъ усвоенія или, быть можетъ, простого заимствования иногда дѣло осложняется тѣмъ, что не только въ сванскомъ, но и въ другихъ яфетическихъ языкахъ коренныя слова часто также подвергались вліянію фонетики сосѣднихъ родственныхъ языковъ или совсѣмъ вытѣснялись эквивалентами, взятыми изъ родственниковъ языковъ, или, наконецъ, иногда исчезали безъ возмѣщенія. Однако, есть болѣе

трудные случаи, когда усвоенный тубал-каинизмъ въ сванскомъ успѣлъ подвергнуться законамъ мѣстной фонетики, такъ, напр., въ сванскомъ ჭ ḥ мы нерѣдко имѣемъ закономѣрный перебой картскаго ḵ (> k), почему ḵ. ჯობჳს kop-va (въ истинномъ грузинскомъ произношеніи — kop-va * < ḵwan-va) *связывать* въ сванскомъ звучитъ ჯობ-ჭობო li-tōpi *заограчивать, обязывать* и т. п. Соответственно этому въ сванскомъ интересъ представляютъ два слова ჯჳშ ḥāsh *мужъ* и ჯობჳს ḥāsh *нога*.

1. Оба приведенныя слова интересны еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ ш корреспондируетъ съ тубал-каинскимъ ḥ.

а) Какъ извѣстно, тубал-каинскій ḥ соответствуетъ картскому ḥ, и слово м., ḥ. ჯობო kop-i *человекъ* въ картскомъ имѣетъ точное соответствіе въ ჯობო kop-i; такое соответствіе закономѣрно и въ отношеніи огласовки, ибо картскому а соответствуетъ т.-к. о, но въ сванскомъ въ такомъ случаѣ ожидали бы е, а никакъ не а или хотя бы ѣ; гласный звукъ а въ данномъ случаѣ представляетъ ту же тубал-каинскую форму, но въ архаической огласовкѣ, т. е. до перерожденія а въ о. Въ то же время появленіе ш въ сванскомъ въ соответствіи т.-к. ḥ знаменуетъ опять такъ первичное состояніе послѣдняго до подъема въ ḥ, такъ какъ въ данномъ словѣ и ḥ тубал-каинской группы и ḥ картскаго языка представляютъ подъемъ сябилянга, первый — ш, второй — s. И первый коренной k, resp. ḵ, какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, является также въ степени подъема, но, оставляя сейчасъ эту подробность въ сторонѣ, мы получаемъ архаическую (но не первоначальную!) форму слова для картскаго языка *kas, для тубал-каинскихъ языковъ *ḵash. Эту-то архаическую форму тубал-каинскаго слова и имѣемъ въ св. ჯჳშ ḥāsh (у=ушкульскій, тр=таврарскій говоры) съ закономѣрнымъ общезаветическимъ, раздѣляемымъ и сванскимъ языкомъ, перебоемъ ḵ въ ḥ; въ лашскомъ нарѣчій (шх) слово звучитъ съ простымъ а: ჯჳშ ḥāsh. Значитъ слово въ сванскомъ *мужъ, супругъ*. Отсюда ჯჳშობობო le-tsh-ōgi, шх, у, ии (иарскій), тр ჯჳშობობო le-tsh-ōgi, тх ჯჳშობობო le-tsh-ōgi *будущій мужъ, жена*.

б) Послѣ всего сказаннаго касательно ჯჳშ ḥāsh исторія св. ჯობჳს ḥāsh будетъ коротка. Надо только вспомнить, что, судя по Р. ჯობჳს-შ, основа слова гласная — ḥāsh, и, слѣдовательно, если въ ней имѣемъ т.-к. слово, то послѣднее должно бы звучать *ḵiḥḥ-а. Въ данномъ случаѣ однако въ сванскомъ оказывается усвоенною диалектическая форма съ перебоемъ гласнаго и въ i, такъ какъ искомый тубал-каинскій подлинникъ гласитъ въ м. ჯობჳს kop-i (< *ḵiḥḥ-i) *нога*, въ ḥ. — ჯობჳს kop-i. Въ сванскомъ Р. надежъ ჯობჳს ḥāsh (у, ии ჯობჳს ḥāsh, тр ჯობჳს ḥāsh la-tshāsh) значить *проводъ*, какъ и въ мингрельскомъ ჯობჳს kop-i-ში въ выраженіе ჯობჳს

«ბობოშო» kuβq̄iṣi obigēṣi (I. Кипшидзе, печатающийся *Словарь мингр.-русский*, s. v., ср. к. ფებგულო ჟეგუ-ი*l* *xorovod* отъ ფებგო ჟეგუ-ი *нога*).

2) Болѣе сложныя отношенія вскрываетъ сванское слово, означающее *бузину*. Нынѣ общесванское слово для выраженія *бузины* — ზახსჷჷ *gyaṇṭw* шх ზახსჷჷ *ganṭw*. Разница между этими двумя диалектическими разновидностями — чисто морфологическая: въ *ж* у имѣемъ гласный характеръ (i) именного окончанія, передъ другимъ гласнымъ ослабѣвающей въ полугласный, переброшенный внутрь основы или «инфиксованный». Основа, значитъ, — *ganṭw*.

Если отстранить вопросъ о конечномъ *w*, представляющемъ именно сванскій эквивалентъ кáртскаго *l* и тубал-каинскаго *g¹*), то *ganṭw*, resp. **ganṭr* является идеально закономѣрнымъ тубал-каинскимъ эквивалентомъ кáртскаго *ახლო* *antl-i* *бузина*, однако безъ тубал-каинской перегласовки: съ тубал-каинскою огласовкою та же основа должна бы гласить **gonṭor*, а съ позднѣйшимъ перебоемъ (*o > e || i*) — **gintir*. Кáртскій эквивалентъ, очевидно, утратилъ въ началѣ какой-то спирантъ, такъ что *antl-i* восходитъ къ **antl-i* 2)). Въ наличныхъ представителяхъ тубал-каинской группы находимъ разновидность, поддерживающую эту второобразную форму **gintir*, — именно ее, но безъ *g* или съ падениемъ *g* въ исчезающій спирантъ: м. *ახობო* *intir-i* (< **intir-i*), ч. *ახობო* *intir-i* (*x*, V) или *ახობა* *intir-a* (*px*, V); диалектически чанскій языкъ для *бузины* имѣетъ и другія слова, такъ въ булейскомъ подговорѣ атинскаго говора западнаго нарѣчя — *ახვჯლო* *antkl-i*, въ самомъ атинскомъ подговорѣ, во всякомъ случаѣ въ самой Атинѣ — *ლივობო* *livor-i*, въ вицскомъ подговорѣ восточнаго говора западнаго нарѣчя, во всякомъ случаѣ въ самомъ Влицѣ — *ლიმობო* *limbor-i*. Изъ этихъ чанскихъ синонимовъ *ახვჯლო* *antkl-i* представляетъ простое заимствование пзъ кáртскаго съ довольно обычнымъ въ такихъ случаяхъ удвоениемъ кáртскаго *t* въ *tk* 3)).

При исполнѣнн законмѣрныхъ к. *ახლო* *antl-i* (< **antl-i*) и т.-к. **antor-i* > **antir-i* / **antir-a*, откуда ч. *ახობო* *intir-i*, равно *ახობა* *intir-a* и м. *ახობო* *intir-i*, а также съ потерей *g* между гласными — м. *ახობო* *intir-i* 4)),

1) Пока см. Н. Маррѣ, *Гдѣ сохранилось сванское склонение?* (Изв., 1911, стр. 1201).

2) Когда вѣтъ твердаго основанія для точнаго опредѣленія возстаназливаемого спиранта, т. е. когда несомнѣнно былъ спирантъ, но неизвѣстно, какой изъ четырехъ (*h*, *γ*, *ε* или *y*), то для такого индивидуально неопредѣлишагося звука пользуюсь условнымъ начертаніемъ *z*.

3) Ср. случай съ *ახობობა* *ta-ikind-i*, Н. Маррѣ, *Къ вопросу о полож. абх. яз. среди яфет.*, стр. 32.

4) Исчезновение *g* между двумя гласными — явленіе обычное въ мингрельской фонетикѣ, напр. м. *ახობა* *ta-jig* > м. *ახობა* *tajia* *второй*, м. *ახობა* *tkir-i* > м. *ახობა* *tki-i* (въ м. *ახობობა* *kode-tkii* *крутизна скалы*) и др.

въ сванскомъ ни по огласовкѣ, ни въ цѣломъ — въ отношеніи согласныхъ слово ᄁᄂᄃᄄ *ganṭw* не приемлемо въ качествѣ коренного. Въ отношеніи согласныхъ прежде всего подлежитъ устраненію *n*, являющійся наростомъ *t*, resp. *i*: это не есть чисто сванское явленіе, изъ трехъ же коренныхъ *k*. *ṣil* || т.-к. *ṣtṣ* послѣдній *k*. *l* || т.-к. *g*, дѣйствительно, въ сванскомъ долженъ быть представленъ, какъ *n* есть, звукомъ *w*, а *ṣ* при подъемѣ въ любомъ яфетическомъ могъ дать соотвѣтственный твердый гортанный, а въ сванскомъ — *g*, но *karṭ*-скій *i* въ тубал-каинской группѣ, и только въ ней, бываетъ представленъ звукомъ *t*, у свановъ же, какъ уже было сказано, его закономѣрное соотвѣтствие въ коренныхъ словахъ перебойный равноступенный *k* (или его паденіе, тотъ или иной спирантъ, обыкновенно *h* или *y*); не будучи въ цѣломъ коренной сванской по согласнымъ, основа эта (*ganṭw*) и по огласовкѣ не коренная сванская, ибо при *k*. *qamṣ* и т.-к. *qomṣ*, resp. *qomṣ* закономѣрная сванская огласовка *qemṣ*. Соотвѣтственно коренной сванскій эквивалентъ нашего слова долженъ бы звучать **gekṣ*. И вотъ, разъ существованіе такого сванскаго слова требуется сравнительнымъ изученіемъ подлежащихъ матеріаловъ въ яфетическихъ языкахъ, совершенно иное освѣщеніе можетъ получить слово ᄁᄂᄃᄄ *gekṣwa*, которое сохранили нѣкоторые сванскія нарѣчія въ значеніи также *бузины*, но *бузины-куста* или *бузины-дерева* въ отличіе отъ *бузины-травы*. Это сванское слово сообщено мнѣ въ Лентехѣ въ видѣ ᄁᄂᄃᄄ *guxṣwa* и въ Лѣшхѣ въ видѣ ᄁᄂᄃᄄ *gekṣwa*: *ᄁ* у въ первомъ случаѣ, если оно не составляетъ индивидуальной особенности моего сказителя, представляетъ «шфиксованный» характеръ именного окончанія (*i* > *y*); въ основной формѣ *gekṣwa* слово знаютъ и въ другихъ диалектическихъ районахъ Сваніи. Съ этимъ кореннымъ сванскимъ словомъ случайно или неслучайно созвучно ᄁᄂᄃᄄ *ḡe-kṣua* *бузина-дерево*, встрѣчающееся въ рачинскомъ и имерскомъ, равно въ лечхумскомъ говорахъ грузинскаго языка, т. е. въ предѣлахъ пребыванія въ болѣе древнюю эпоху свановъ. Р. Эрнстовъ приводитъ въ качествѣ имерской разновидности ᄁᄂᄃᄄ *kṣua-ḡe*, а рачинской — ᄁᄂᄃᄄ *ḡe-kṣua* (послѣдняя обычна и въ лечхумскомъ): карталинцы называютъ то же дерево или кустъ ᄁᄂᄃᄄ *dudgula*, resp. ᄁᄂᄃᄄ *didgula*¹⁾.

По-грузински ᄁᄂᄃᄄ *ḡe-kṣua* — сложное слово, и оно, какъ и ᄁᄂᄃᄄ *kṣua-ḡe*, буквально означаетъ «глухое дерево»; вм. грузинскаго ᄁᄂᄃᄄ *ḡe* *дерево* въ томъ же терминѣ появляется м. (и ч.) ᄁᄂᄃᄄ *ḡa*²⁾, и въ такомъ тубал-каин-

1) *Краткій грузино-рус.-лат. словарь, изъ трехъ ст. царствъ природы*, Тифлисъ 1884, s. v.

2) Фонетически, какъ извѣстно, т.-к. ᄁᄂᄃᄄ *ḡa*, resp. *ḡal* *дерево* есть эквивалентъ *k*. ᄁᄂᄃᄄ *del* (И. ᄁᄂᄃᄄ *del-i*), означающаго также *дерево*, особенно въ древне-грузинскомъ.

скомъ видѣ слово ჳჳრჭჳ ღა-კუა-უ встрѣчается въ нѣкоторыхъ верхне-пигурскихъ говорахъ, напр. въ латальскомъ, и въ значеніи особаго вида *самострѣла*, такъ какъ его дѣлають изъ *бузины-дерева*, т. е. предметъ называютъ по матеріалу¹⁾. Это дерево съ полою серединою особенно удобно для выдѣлыванія не одного самострѣла; изъ него выдѣлываютъ въ Мулахѣ (въ Сваніи) женщины шпильку, т. е. палочку для наматыванія нитки, которая пропускается черезъ продольное ея отверстие. Какъ въ западныхъ говорахъ грузинскаго и въ мингрельскомъ, *бузина* называется «глухимъ деревомъ» и въ ново-греческомъ: ἡ κοφοξυλιά²⁾. Потому, пожалуй, было бы неосторожно рач.-лечх. ჳჳრჭჳ ღე-კუა и сродное съ нимъ м. ჳჳრჭჳ ღა-კუა признавать искаженіемъ св. ჳჳრჭჳ გეკუა, возникшимъ на почвѣ грузинской народной этимологии, но трудно допустить и обратное явленіе, т. е. признать въ св. ჳჳრჭჳ გეკუа искаженіе грузинскаго, собственно рач.-лечхумскаго ჳჳრჭჳ ღე-კუა: звукъ ჳ ო ни въ какомъ случаѣ не могъ бы измѣниться у свановъ въ заимствованномъ словѣ въ ჳ g. Можно бы впрочемъ предположить, что въ ge-, части любопытнаго сванскаго слова, мы имѣемъ основу (gem) сванскаго слова მკემ მე-გემ *дерево*, съ потерей исходнаго m; въ такомъ случаѣ въ св. ჳჳრჭჳ ge-კუა мы получили бы сложное слово того же состава, что ჳჳრჭჳ ღე-კუა въ грузинскомъ и ჳჳრჭჳ ღა-კუა — въ мингрельскомъ, при чемъ въ соответствии г. ჳ ო е и м. ჳ ო ღа въ значеніи *дерева* въ сванскомъ выступалъ бы слогъ ge-, усѣченіе gem, основы св. მკემ მე-გემ. Но другого случая подобнаго усѣченія мы не знаемъ; кромѣ того, огласовка e въ -gem-, гесп. въ მკემ მე-გემ — не общесванская, въ мужало-мулахскомъ (м) и ушкульскомъ (у) говорахъ слово звучитъ მკემ მე-გუამ, въ лентехскомъ (тх) — მკემ მე-გამ. Потому-то напрашивается мысль признать въ св. ჳჳრჭჳ გეკუа переживаніе теоретически возстановленнаго кореннаго сванскаго *გეკუ; правда, въ такомъ случаѣ въ св. ჳჳრჭჳ გეკუა имѣемъ перестановку вм. *გეკუ-га, но, съ другой стороны, наличная сванская разновидность, отличающаяся отъ ожидаемой количественно лишь конечнымъ слогомъ га, на сванской почвѣ получаетъ свое самостоятельное объясненіе: названія деревьевъ, да и кустовъ, въ яфетическихъ языкахъ, какъ увидимъ, снабжены часто окончаніемъ мн. числа, а въ сванскомъ въ такихъ случаяхъ появляется

1) Любопытно обратное явленіе съ этимъ же понятіемъ въ гурійскомъ говорѣ грузинскаго языка: по-гурійски *бузина-дерево* называется ჳჳლთჳჳლჳ (Р. Эрнстова, ц. м.) ღელ-ბოქელა, что собственно значитъ «самострѣлъ», буквально «ручное ружье» (отсюда «дерево для ручного ружья»).

2) Ét. Legrand, *Nouveau dictionnaire Grec moderne. Français*, Paris.

нерѣдко абхазскій суффиксъ мн. ч. -га, какъ, напр., ad-га *азалія*, dubz-га *дубъ* и др., такъ что рядомъ съ *gekʷ имѣеть полное право законо-
мѣрнаго существованія въ сванскомъ и *gekʷ-га, что, по всей вѣроятности
(а не искаженіе рач.-лечх. qe-kua), я имѣемъ, съ перестановкою *wt*
въ *gw*, въ сванскомъ gekʷa *бузина-дерево*.
